

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ВОСЕМНАДЦАТЬ
СПЛЮСОМ

Артем Каменистый

Восемнадцать с плюсом

Серия «Читер», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39294197
Восемнадцать с плюсом: Альфа-книга; Москва; 2018
ISBN 978-5-9922-2796-3

Аннотация

Цели бывают разные. Некоторые легко даются даже начинающим стрелкам, другие устоят перед самыми опытными, если тем не улыбнется удача. У Читера все прекрасно и с меткостью, и Фортуна на его стороне. У него все задатки победителя, а победители не промахиваются. Однако его главная цель не из тех, где все решает один удачный выстрел. Она где-то далеко на западе, а это плохо, ведь это значит, что ему придется не один раз преодолевать границы между регионами – самые неприятные локации Континента. Даже опытные иммунные там не более чем смешное мясо, а уж дерзкому новичку к ним даже не подобраться. Но это в одиночку, а с опытным другом многое упрощается. Если, конечно, это именно настоящий друг, а не насквозь непонятный тип, способный вмиг отказаться от тебя лишь потому, что ты в назначенный срок не выполнил его задание.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Артем Каменистый

Восемнадцать с плюсом

Глава 1

Жизнь шестая. Отдых на чистых простынях

Придорожный мотель – хороший выбор для игрока, который хочет выспаться одновременно и с комфортом, и с минимальным риском. Здание расположено в незаселенной местности, рядом не видать ни села, ни города, высота его невелика, со всех сторон окружено приличными деревьями. Поэтому издали не разглядеть. Напрягает лишь близость дороги, ведь опыт Читера подсказывает, что зараженные любят выбирать для своих миграций именно асфальт. Но заведение стоит метрах в ста пятидесяти от трассы, подъезд к нему извилист, петляет среди плотной поросли тополей и ясеней, не так-то просто меж ними заметить неброские стены. Один лишь указатель на обочине выдает, но ведь мертвяки грамоте не обучены.

И едой здесь не пахнет, чтобы запахами привлечь. Читер вечером не поленился обойти оба этажа, но не нашел ни единой обглоданной косточки. Постояльцы и персонал успе-

ли вовремя свалить, сразу после перезагрузки, не загрязнив округу своими благоухающими останками. А тварей в первую очередь привлекают ароматы мясной пищи разной степени свежести и звуки, выдающие людей и животных, а не статичные картинки, даже не пахнущие вкуснятиной.

И при всех их отличиях от человека в темноте они видят похуже, чем днем, что тоже легло на чашу весов при выборе решения.

В общем, Читер заночевал как приличный человек. Не под кустом бузины на сыром мху, то и дело вздрагивая от шума, производимого ежами и прочими неугомонными безобидными созданиями, а на кровати с чистым бельем, теплым одеялом и мягкими подушками. Для полного счастья не хватало только горячего душа и ужина, тоже горячего. Но последний кое-как удалось заменить, разогрев банку тушенки на таблетке сухого горючего.

В общем, устроился достойно. Хоть бери да благодарственную молитву Системе начинай читать. Дескать, спасибо за простыню накрахмаленную и теплый номер без назойливых комаров.

Может, и правда стоило помолиться силе, всем здесь управляющей, потому что утро началось не с ласковых светлых лучей, бьющих в окно, а с надрывного шума парочки неслабых моторов.

Чутко спавший Читер, заслышав их, тут же подскочил, начал торопливо одеваться, проклиная себя за то, что настоль-

ко расслабился. Это ж надо додуматься до того, чтобы завалиться в одних трусах, легкомысленно скинув все прочее.

Пока натягивал штаны и остальное, шум дошел до самых громких нот, после чего моментально стих.

Все. Кто бы это ни гудел, они приехали и заглушили двигатели.

Выглянул в просвет между затянутыми шторами, ведь прежде чем торопливо сваливать, не мешает оценить диспозицию.

На стоянке перед мотелем стояли две традиционные для Континента машины: тяжелые грузовики, укрепленные стальными листами и решетками. Ничего, что отличало бы их от рядовых поделок такого рода, не заметил. Даже башенок нет, пулеметы наверху установлены в открытых гнездах. Бедновато ребятки живут, на достойную технику еще не накопили.

Сами ребятки в данный момент разбегались в разные стороны от машин. Но не похоже, что они приехали воевать, потому как к мотелю тащили пару носилок с ранеными. Калек брать на штурм ни к чему, а вот заехать сюда для того, чтобы оказать им медицинскую помощь в условиях повышенной комфортности, – запросто. Даже простейшая, по меркам Континента, операция по зашиванию порванных мышц при езде в трясущемся грузовике становится хирургически-акробатическим представлением. Большая часть бойцов занята рутинным делом: осматривают местность на предмет

угроз для отряда, а не просто окружают здание, как могло показаться при небрежном взгляде на происходящее.

Никаких опознавательных знаков на машинах нет. Понятно, что это не боты, а коллеги-игроки, но радоваться по такому поводу вряд ли стоит. Здесь, даже на безопасном стабе, приходится одним глазом пьянствовать, другой трезвым оставлять, а уж на дикой территории не будет лишним еще парочку органов зрения отрастить, чтобы не проморгать очередную угрозу.

– Чистых простыней захотел... эстет хренов, – тихо пробурчал Читер, отпрянув от окна.

Подхватил компактный рюкзак, перекинул за спину лук, держа на изготовку пистолет с глушителем, выскользнул из номера.

Здание немаленькое, мгновенно под контроль взять такое не получится. А Читер его с вечера обошел, первым делом тщательно разведал, что здесь к чему. Сейчас всего-то и надо, пользуясь знанием местности, оперативно покинуть мотель и раствориться в лесопосадке, которая примыкает к нему сзади. По опушке там молодой ясень знатно разросся, всего несколько шагов – и тебя уже в телескоп не разглядеть.

Следуя несложному плану, Читер спустился по служебной лестнице в кухню столовой, располагавшейся на первом этаже. Дверь успел прикрыть в тот самый миг, когда неподалеку загремело разбиваемое стекло. Кто-то входил в фойе грубейшим способом, не утруждаясь тратой времени на возню

с замками. Должно быть, группа с носилками подоспела. Но они помешать уже не успеют.

Выбравшись через черный ход, припустил было к зарослям кустарников, но сзади грубо и напряженно гаркнули:

– А ну стоять! Не оборачиваться! Бросил пистолет! Бегом бросил!

Если в спину говорят подобное, следует хорошенько подумать, стоит ли не соглашаться хоть с чем-то из предложенных действий. Нет, мысленно ты, конечно, можешь иметь на этот счет свое мнение, но вот действовать придется именно так, как приказано, иначе с немалой вероятностью отправишься на воскрешение.

Разжав ладонь, выпустил рукоять пистолета, после чего, поднимая руки, начал медленно поворачиваться, как можно спокойнее проговорив:

– Расслабься, я не собирался стрелять, я просто хотел уйти.

– А я и не напрягался, – буркнули в ответ. – А ну-ка покажи личико, Гюльчатай. И не вздумай дернуться, завалю сразу.

Повернув наконец голову, Читер разглядел говорившего. Ничем не примечательный мужчина лет под тридцать, весь в камуфляже, даже надвинутая по самые глаза банда на пятнисто-зеленая и хаотично обшита искусственной листвой. В руках небрежно сжимает потертый «калашников» с просматривающейся в дуле подствольника гранатой, голо-

ву сильно склонил к плечу, чуть ли не касаясь губами антенны крохотной радиостанции.

Не сводя с Читера буравящего взгляда, незнакомец произнес:

– Я его взял. Да, все правильно, он один.

Проклятье! О чем Читер вообще думал? Или мозг еще не проснулся? Так опростоволоситься... Надо всегда помнить, в каком непростом мире оказался. То, что никому не попался на глаза, здесь еще не означает, что остался незамеченным. Среди пожаловавших к мотелю есть один или больше игроков с особым умением. Точнее – одним умением из широчайшей группы. Тех, кому повезло обзавестись такими дарами, называются сенсами. Это своего рода живые детекторы, им дано видеть сквозь стены и прочие преграды. Не буквально, конечно, а замечать то, что другие разглядеть не могут.

Например, нежащиеся на чистых простынях тела первостатейных олухов.

Скосив взгляд на полуоткрытую дверь, Читер, возбужденно расширив глаза, быстро произнес:

– Да ты чего несешь, парень?! Я ведь здесь не один, вон в коридоре кореша остались, какая-то непонятка получается.

Глаза мужчины предсказуемо дернулись вбок, реагируя на неуклюже выдуманную информацию. А Читер, все это время не переставая поднимать руки, без замаха метнул обыкновенный гвоздь-десятку, целя в скулу и зная, что не промахнется.

Казалось бы – зачем? Но похожий трюк он однажды уже провернул. Улетел на воскрешение, однако все же провернул, что в той ситуации можно однозначно считать выдающимся успехом. Гвоздь, конечно, как оружие слова доброго не стоит. Но только не в том случае, когда острое его на совесть отточено и смазано хлопьями, остающимися после очистки спорового раствора. Это местный смертельнейший яд с неприятнейшими свойствами. Попав под кожу, он вызывает мгновенный болевой шок, сразу же выводя человека из строя. А дальше быстрая смерть в беспамятстве от паралича всей мускулатуры, включая дыхательную и сердечную.

Гвоздь попал куда надо. Мужчина вскрикнул, дернулся, заваливаясь на подгибающихся коленях и безвольно опуская автомат стволом вниз. А дальше не повезло, потому что сознательно или судорожно он нажал на спусковой крючок.

Читер уже рванул было к вожделенным зарослям, как вдруг за спиной треснула короткая, всего на пару выстрелов, очередь. На этот раз высоко прокачанная удача решила взять отгул – одна из пуль, срикошетив от асфальта, ринулась к небесам. На своем пути она врезалась в тело чуть выше ягодицы, деформируясь и теряя фрагменты, прошла через плоть и выбралась на волю, раздробив пару верхних ребер.

С трудом удержавшись на ногах, Читер припустил еще быстрее, не оборачиваясь и ожидая новые выстрелы. Угадал, те и правда загремели, но поздно, уже когда через кусты продирался. Но шевеление зарослей подсказало противни-

кам, куда следует целиться, и кому-то из них повезло – еще одна пуля пробила рюкзак, вошла в место, где шея переходит в плечо, пронеслась через мясо и, чудом не разmozжив ключицу, выскочила из тела, разорвав ремень разгрузочного жилета.

Тут уж Читер не выдержал, завалился. Может, оно и к лучшему, потому что следом хлопнул выстрел из подствольника. Рвануло опасно близко, осыпав сбитыми ветками и листво́й, но самого не задело.

Хотя не факт, в таком состоянии пару-другую мелких осколков можно и не заметить.

Вскочив, бросился дальше, сам не веря тому, что сумел подняться. Даже без осмотра понятно, что первый раз прилетело ему конкретно, рана тяжелейшая, возможно – смертельная. Хотя нет, неправильно выразился: она смертельная, если вовремя не попасть к знахарю или хотя бы к врачу.

Позади продолжали стрелять, но опасного в этом уже мало. Читер преодолел полосу кустарников, теперь колыхание их вершинок не выдавало его местоположения. Дальше тянулся относительно чистый лес, бежать по нему можно незаметно.

Но это, конечно, верно только в том случае, если оставшийся у мотеля сенс не сумеет каким-то образом навести оружие своих сообщников.

Кстати, тот, которого пришлось убить гвоздем, навел оружие первым. Читер его не провоцировал, следовательно,

агрессивно себя вести начали они. Значит, за победу не придется лишаться очков человечности при любом раскладе, хоть какой-то плюс.

Все остальное – сплошные минусы. Читер словил пару пуль, он истекает кровью и не в состоянии ее остановить. Если с верхней раной не все так плохо, нижняя – сущий кошмар. Даже туго забинтовав ее с обеих сторон, он ничего не сможет сделать с брюшной полостью, в которую так и продолжит изливаться содержимое перебитых вен и артерий.

Сколько он так протянет? Скорее минуты, чем часы. Правда, сохранилось в загашнике средство, способное слегка оттянуть момент если не гибели, так хотя бы беспмятства. Спасибо Марту, тогда, после нелепо-неожиданной победы над группой нехороших парней, догнал спешно уходящего Читера и поделился прихваченными с их тел трофеями.

В том числе пластиковой трубочкой, скрывавшей шприц с оранжевой жидкостью. Сильнейшее средство, в свое время Няша под действием такой дури сумела устроить тот еще боевой танец на хребте элиты. И это при том, что у девушки была сломана нога.

Даже не просто сломана, а раздроблена пулеметной пулей. Сколько он выиграет, уколотившись? Десять минут? Пятнадцать? Где-то так. И что ему с этого? Какая выгода? Спек не лечит, он просто стимулирует, эффектно и ненадолго. Смысл его применять есть только в одном случае: ворвать-

ся в толпу противников и героически подохнуть, успев утащить за собой как можно больше попутчиков. Тогда, воскреснув, прочитаешь логи побед и заработанного опыта, наглядно убедившись, что слил жизнь не впустую.

Н-да... И об кого же здесь можно героически слиться? Мертвяков Читер вчера за всю половину дня ни одного не встретил, сейчас тоже навстречу не выскакивают. Тут бы единичного увидеть, какая уж толпа...

Развернуться назад? Там целых два грузовика обозленных на него ребят. И что толку? Из оружия лишь лук да запасной пистолет, и то и другое не дружит с большими расстояниями, а приблизиться незамеченным не получится – сенс не позволит.

Вот в таких раздумьях Читер и продолжал мчаться прочь от мотеля. В голову не приходило ничего внятного. Остановился, лишь когда ноги начали отказывать.

Но остановка надолго не затянулась. Достал шприц с убойным спеком, неуверенно и неумело вколол, ощутил, как нижние конечности наливаются такой силой, что хочется бежать и бежать.

Ну и побежал дальше.

Лайт-спек – действительно крутая тема. Читер на некоторое время выпал в иную реальность, где ран у него не стало, зато появились неутомимые ноги и остро развитое восприятие, позволяющее замечать каждую мелочь даже на перифе-

рии поля зрения.

Улепетывал Читер так, как зайцы от волков не улепетывают, но непонятно, сколько именно продолжалось это состояние. Может, пятнадцать минут, а может, и все двадцать. И по ощущениям, промчался так не меньше десяти километров, при этом парадоксально осознавал, что расстояние значительно преувеличено. В одном не следовало сомневаться – возможная погоня должна прилично отстать, иммунные не склонны бежать со всех ног за умеющими огрызаться противниками. Даже если они и отказались от осторожности, все равно столь нечеловеческую скорость держать не сумеют.

Но это ненадолго. Прилив сил, молниеносно нахлынув, спадать начал почти столь же стремительно. Скорость резко снизилась, ноги начали заплетаться, а голова кружиться.

Похоже, спек перестает действовать, и это скверные новости.

Читер уже почти смирился с мыслью, что это все, что надо срочно выбрать куст погуще, завалиться в него и тихо помереть, чтобы потом, возродившись, попытаться вернуться и забрать ценные вещи. То, что до сих пор получается переставлять ноги, заслуга дозы лайт-спека и еще нескольких факторов: выносливость, пусть и не впечатляет, но прокачана; полученные раны не из тех, которые сразу роняют на землю от шока; отдых в комфортных условиях, это не просто блажь, это еще и повышение уровня шкалы удовольствия, влияющей абсолютно на все. Вот и продолжает бежать там,

где обычный человек должен свалиться через несколько шагов.

Впереди резко посветлело, показалось открытое пространство. Голова кружилась все сильнее и сильнее, поэтому Читер не сразу распознал картинку.

Но, осознав, *что* перед ним, почти мгновенно придумал простейший способ попытаться продлить жизнь.

То, что открылось за опушкой, не было лесной поляной. Читер выбрался к дороге: узкая, покрытая скверным асфальтом – ничего примечательного. На дальнейшее планирование его вдохновила вовсе не она, а машина, приткнувшаяся к обочине. Дешевая европейская пузотерка не первой молодости, а рядом с ней замерли двое: немолодые мужчина и женщина.

Обычная одежда горожан, слишком много лишнего веса (на радость зараженным), ни малейшего намека на милитаристское снаряжение и оружие.

В общем, с этими кадрами все понятно – свежие цифры, не понимающие, куда их занесло.

Люди замороженно уставились на тело, лежащее у их ног. То, что это именно мертвое тело, а не кто-то решил на асфальте вздремнуть, Читер определил с первого взгляда. Изломанные ноги разбросаны в разные стороны в омерзительном шпагате, из разбитой головы вытекает содержимое, одежда превратилась в грязно-рваное тряпье. Возможно, она пострадала в результате столкновения с машиной, но куда

реальнее выглядит предположение, что уже перед ним выглядела неприглядно.

Башка отказывалась выдавать связные мысли, но даже так в одно мгновение предложила логичную версию: пара цифр решила куда-нибудь уехать из свежего кластера на семейной тачке. На шум мотора из зарослей выскочил мертвяк невысокого уровня, глупо подставился под бампер и оказался под колесами. А эти недоумки решили, что сбили нормально-го человека. Вон мужик пытается в телефон тыкать, наивно мечтая дозвониться до полиции, или кого он там вызывать собрался.

Приближаясь к машине, Читер деревенеющей рукой вытащил из бокового кармана рюкзака запасной пистолет, неловко взвел, собрался было для затравки разговора выстрелить в воздух, но в этот момент женщина обернулась и торопливо затараторила:

– Нет, это не мы. Мы не виноваты. Тут был туман. Очень густой туман. Ничего не видно. Он выбежал из тумана. Прямо под машину выбежал. Я не знаю, зачем он так сделал. Он, наверное, наркоман. Он как-то странно двигался. И посмотрите на его одежду, она очень грязная. Надо проверить, он точно наркоман. У него, наверное, героин в карманах. И опиум с кокаином.

Похоже, эта тетка уже слегка тронулась. Уставилась на окровавленную фигуру откровенного бандита отсутствующим взглядом и несет ту еще ахинею.

Устало подняв руку, Читер наконец выстрелил в воздух и беспрекословным тоном осведомился:

– Где город? С какой стороны вы приехали?

Обернувшись на выстрел мужчина, глядя на Читера глазами донельзя ошеломленного теленка, ответил невнятно:

– Там. Мы оттуда приехали. Туман виноват. Наверное, мы неправильно свернули, а потом туман пропал. Дорога какая-то не такая. Она другой должна быть.

Читер, бросив взгляд в указанном направлении, разглядел, что метрах в трехстах асфальтовая лента резко расширяется. Все понятно, именно там проходит граница кластера, парочка недалеких цифр не заметила, что дорога изменилась в один миг.

Едва слушающейся левой рукой открыв заднюю дверь, скомандовал:

– Везите меня назад, в город.

– Но надо дождаться полицию, мы ведь человека сбили, – продолжал тупить мужчина.

Читер, выстрелив еще раз, злобно рывкнул:

– Я сказал – везите, значит, садитесь и везёте! Что непонятно?! Может, прострелить твоей бабе башку?! Ты этого хочешь?! Этого?!

– Нет! Пожалуйста, нет!

– Тогда бегом сел за руль и поехали. Да побыстрее. Я здесь не грибы собирал, я опасный террорист, разве по мне не видно? Сдадите меня полиции, вам ордена дадут и даже не ста-

нут разбираться, кто здесь виноват. Бегом сели, пока я не сдох. Задохлого террориста больше медали выдавать не положено... одной на двоих.

Через минуту машина, немного попрыгав на колдобинах, вынеслась на ровный асфальт и помчалась дальше, все быстрее и быстрее. А Читер, теряя нити связи реальности одну за другой, неумолимо сползал в бездну беспомощности, отстраненно размышляя над дальнейшими перспективами.

Как далеко этот город и насколько в нем все плохо? По идее, он еще не должен превратиться в сумасшедший дом, ведь по отдельным моментам можно сделать вывод, что цифры здесь и часа не проторчали, сбив мертвяка в тумане-кисляке, окружающем перезагружающийся кластер.

Если в городе еще не все спятили, есть шанс, что Читера доведут до больницы живым. А там много не потребуется: переливание крови и чуть сшить требуху, чтобы только дерьмо из рваных кишок не вываливалось в брюшную полость.

А дальше организм иммунного должен сам справиться. Система – лучший доктор, ей просто надо немного помочь.

Хирург, конечно, далеко не знахарь, но где же сейчас знахаря искать?..

Личная победа – иммунный Чеснок уничтожен.
Уровень – 23, гуманность – низкая положительная.
Получено 2 очка к прогрессу ловкости. Получено 34 очка к прогрессу меткости. Получено 4 очка к прогрессу реакции. Внимание! Уничтожая

противников с положительной гуманностью, вы не сможете повысить свою человечность и рискуете ее понизить.

Это что получается? Читер завалил игрока с зеленой человечностью? Спасибо, что Система сочла действия противника агрессивными, не снизила этот показатель.

И вообще, нехорошо получилось. С высокой вероятностью можно предположить, что в мотель приехала нормальная команда из нормальных людей. Читера они перехватывали на всякий случай, ведь никогда не помешает узнать, на кого нарвались. Несколько рутинных вопросов, и могли спокойно разойтись миром.

С другой стороны, кто знает, насколько они нормальные? За Читером уже всякие личности пытались охотиться, в том числе народ с зелеными показателями человечности.

В любом случае что сделано, то сделано.

Глава 2

Жизнь шестая.

Кровавое мракобесие

Получен негативный эффект – длительное беспамятство. Вы находитесь на кластере 364-59-147. Регион – Степи Междуречья. Текущее количество возрождений – 94 жизни (минус 5 от стартового). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос, найти игрока Няша. Текущий статус – возврат в игру. До окончания действия длительного беспамятства осталось шестьдесят четыре секунды, срок может измениться в случае внешнего воздействия. Подсказка – не впадайте в длительное беспамятство, когда находитесь в недружелюбной обстановке, это может привести к нежелательным последствиям.

Вопреки ожиданиям получив десятый уровень, Читер ровным счетом ничего не вспомнил из прежней жизни. Это и удручало и приводило в недоумение, так как неоднократно доводилось слышать, что часть памяти должна вернуться. Мол, именно это приводит к резкому повышению интеллектуальных способностей и снимает заторможенность, свойственную пораженным амнезией. И прочее-прочее проявля-

ется – сплошные положительные моменты.

Но Читер не вспомнил ничего. Вообще ничего.

Поначалу полагал, что возвращение памяти – не мгновенный процесс. Что на это требуются минуты, а то и часы. Интеллектуальный подъем моментально почувствовался, потому по поводу памяти не парился.

Но прошли минуты, часы, а затем и пара суток. Все впустую, воспоминания так и не проявились.

Может, это из-за его уникальности? Система, компенсировав новичку то, что он обязан был заполучить, но физически не мог в тот момент это принять, что-то напортила?

Оставалось лишь гадать: грамотных собеседников под рукой не осталось, Март, отдав кое-какие вещички, растворился в кустах ближайшей лесополосы и больше никак себя не проявлял. Даже чат его быстро помертвел.

Как и чат Няши... в свое время.

Читер, открыв глаза, не сразу смог определить, где оказался. Похоже на большое помещение с высокими потолками, но уверенности в этом не наблюдается, слишком мало света. Глаза начали адаптироваться, из мрака проявилась одна деталь, вторая, третья. Мозг сумел сложить грубую картинку.

Именно в этот момент впервые вспомнилось кое-что еще из прежней жизни. Не только лестница и дверь лифта за ней, что память выдавала изначально.

Читер вспомнил даже не юность, а скорее зрелое детство. Он не смог сказать, сколько ему тогда исполнилось. подро-

сток-мальчишка с нескладно высокой фигурой – вот и все, что смогла родить голова.

Он увидел себя на заднем ряду кинотеатра вместе со своей одноклассницей Соней. Та ростом, наоборот, не отличалась, но это ничуть не умаляло прочих достоинств ее рано сформировавшейся фигуры. Еще в мае Читер не задерживал на ней взгляд, а увидев в сентябре, едва глаза не потерял, настолько далеко они выкатились от изумления. Девушка за лето изменилась разительно, причем в приятную для мальчишек сторону.

Соня смотрела на экран, Читер смотрел на Соню. И не просто смотрел, он наконец отважился. Впервые в жизни на такое отважился. Ладонь его, позорно дрожа и неприятно потея, легла на ткань, туго обтягивающую девичью грудь, пальцы согнулись, сжимая прощупывающийся холмик.

Ну наконец-то! Есть! Он сделал это!

В душе произошло смешение чувств, но совсем не то, какое он ожидал. Ему представлялось, что, свершив столь великое деяние, он не ощутит ничего, кроме неземного восторга, однако нет, примешалось если не разочарование, то что-то очень на него похожее. Такое вот дело, но Читер до сих пор не сомневался в том, что прощупывающийся холмик обязан оказаться приятно упругим, будто создан из гибкой резины, проявляющей жесткость при нажиме. Однако действительность оказалась куда податливее, и это открытие не столько удивляло, сколько удручало.

А еще обида примешивалась. Вместо того чтобы закатыть глаза от великой радости, Соня вытаращила их, как корова, углядевшая богатую поляну сочных лопухов. Похоже, даже не осознает, до чего же дерзко и мужественно повел себя ее кавалер. Да Читер только что, черт побери, чуть ли не девственности лишился, а она уставилась на экран неотрывно, даже не моргая – будто дохлая селедка.

Вот спрашивается: что там может быть такого интересно? Вот что способно заставить девушку проигнорировать тот факт, что ее грудь мнет через кофточку пускающий слюни прыщавый приятель-подросток?

Да нет там ничего интересного. Какие-то монстры за кем-то бегают, кого-то уже догнали, кто-то визжит, повсюду лужи клюквенного сока и развалы бутафорских костей. Да она просто издевается. От такого убожества надо сразу отворачиваться.

Тем более имеется несопоставимо более приятная альтернатива.

Ладонь поползла ко второму холмику.

Бесполезное воспоминание. Зато можно догадаться, почему сейчас проявилось именно оно.

Помещение и правда немаленькое. Не кинотеатр, конечно, но весьма и весьма прилично. К тому же здесь наличествуют и прочие атрибуты из воспоминания. Нет, увы, не акселератка Соня с ее неожиданно мягкими молочными железами, а то, что творилось на экране: потеки крови, куски тел,

обглоданные кости. Не видно тупо визжащих девиц, разбегающихся кто куда, при этом расчетливо подставляя под камеру мелькающие в прорехах приятные для глаз участки телес, чудовищ тоже нет, зато запах стоит такой, что глаза режет.

Обстановка настолько нереальная, что Читер не поверил зрению. Поморгал, но не помогло, попытался протереть глаза, но не тут-то было – руки что-то удерживало. Но что? Уж вряд ли они мертвой хваткой вцепились в податливые прелести Сони, это больше похоже на оковы.

Скосив голову, понял, что прав в своем предположении. Нет, не настоящие оковы, всего лишь скотч, намотанный без намека на жадность. Конечности он зафиксировал надежно.

И не только конечности. Шевеля головой и скашивая взгляд, Читер определил, что лежит голышом на крестообразной поверхности, похожей на хирургическую кушетку. Руки, ноги, туловище и шею там и сям обмотали все тем же скотчем. Где-то туго, сминая кожу, где-то свободно, но подниматься невозможно, прихвачен надежно. Складывалось впечатление, что кто-то хотел спеленать его, как египетскую мумию, но был вынужден оставить некоторые участки открытыми.

На это имелись причины: провода, катетеры, непонятные трубки – все это там и сям проглядывало в прорехах, не занятых скотчем.

Так... Что же там было последним из того, что он помнит? Вроде сидел в машине и то и дело пытался рывкать на

нерасторопного водителя, поторапливая его. Потом впереди показался город.

Или не показался? Не получается точно вспомнить. Похоже, это происходило на той грани, за которой Читер наконец вырубился.

Что же случилось дальше? Как он докатился до склада декораций для дешевых фильмов ужасов? Остается лишь предполагать.

Помимо кушетки получилось разглядеть специфический светильник под потолком, столики вдоль стены, какие-то непонятные электронные приборы. Даже оглушающий смрад тухлятины не в силах полностью затмить въевшийся во всю обстановку запах антисептика и медикаментов.

Все понятно, Читер лежит в хирургической операционной. Нетрудно догадаться, как он здесь очутился. Привезли как тяжелораненого и сразу потащили под скальпели.

А потом что-то случилось. Вместо того чтобы переместить прооперированного в палату, медицинские работники оставили его здесь.

Нет, так дела не делаются. Почему они так нехорошо поступили? Предполагать можно что угодно, сомнений нет только в одном: тут замешан процесс заражения. Сколько могла продлиться операция? Если серьезно повредило кишечник или что-то другое, не менее жизненно важное, хирургам требуются часы. А город быстро скатывался к тоталь-

ному хаосу. С каждой минутой росло количество психов, совершающих невообразимые по жестокости и бессмысленности поступки. Появлялись первые ходячие мертвецы, начинали охотиться на тех, кто еще не обратился. Среди всего этого бедлама там и сям сновали опытные и неопытные игроки. Одни с шумом или тихонько пытались побыстрее покинуть опасное место, другие поспешно грабили оружейные магазины, устраивали налеты на отделы полиции и военные объекты. Их действия усугубляли и без того непростую обстановку.

Что бы там ни происходило, Читера бросили в операционной. А дальше пошло нечто совсем уж в голове не укладывающееся. Вот откуда могли появиться обглоданные человеческие кости? Напрашивалось ровно одно объяснение: поработали зараженные, именно здесь у них располагался обеденный зал. По виду останков и нестерпимой вони можно предположить, что пировали мертвяки не один день.

Тогда какого черта от вкусной тушки Читера ни одного кусочка не отгрызли? Сочли его мертвым, что ли? Нет, не верится в такое. Нелогично. Во-первых, твари и дохлятину неплохо уплетают; во-вторых, так феерично ошибиться разве что начинающие зараженные способны, да и то вряд ли.

Ничего не понятно.

Ладно, зайдем с другой стороны: в данный момент он находится в логове зараженных, которые по какой-то неизвестной причине его не сожрали. Сочтем последнее боже-

ственным вмешательством и перейдем от теории к практике. Мертвяки могут в любой момент вернуться в не настолько благодушном настроении и решат заняться телом, замотанным в скотч. Читеру такие перспективы ни разу не интересны, следовательно, отсюда надо сваливать.

Да побыстрее.

В скотч при желании можно так запаковать, что сорок раз Новый год отметишь, прежде чем высвободишься. Однако Читер почти сразу понял: те, кто накладывал путы, лишь в отдельных местах отнеслись к этому с должной тщательностью. Или криворукие попались, или не захотели постараться, полагая, что человек с искромсанным брюхом и без качественного связывания никуда не денется.

Кстати о брюхе: боль не ощущалась, зато ощущался аппетит. Даже тошнотворное зловоние не смогло отогнать желание плотно перекусить. Пробудившийся аппетит – хороший признак, ведь, как правило, люди с повреждением кишечника о плотном ужине не мечтают.

Шевеля конечностями, Читер спустя несколько минут сумел разболтать левую руку, предоставив ладони чуток свободы. Дальше в процесс вступили пальцы. Хватаясь за края ленточек скотча, пытался их надорвать. Если это удавалось, развивал успех. В ходе работы сломал неудобно длинный ноготь, что пошло на пользу: зазубренный обломок резал тонкий пластик не хуже ножа.

Длинные ногти – важный показатель. У иммунных они,

как и волосы, отрастают с дивной быстротой, но далеко не мгновенно. По их состоянию можно прикинуть хотя бы приблизительно, сколько он здесь проторчал. Дней пять, плюс-минус пару. Если и ошибся в подсчетах, то вряд ли намного.

Левая рука наконец обрела полную свободу. Дальше все пошло гораздо быстрее, шурша скотчем, Читер освобождался от пут явно оперативнее, чем те неизвестные люди, которые их накладывали. Когда спеленатыми остались только ноги, осторожно приподнялся и сел. В животе кольнуло, но ничего другого не ощутил. Главное, нет ни малейшего намека на душераздирающую боль, от которой его корежило на заднем сиденье машины.

Кое-как согнувшись, дотянулся до столика, ухватил скальпель, с его помощью легко освободил ноги. Те затекли, слушались плохо, пришлось их слегка растереть и энергично пошевелить ступнями, лишь затем рискнуть свесить.

Пол оказался холодным и подозрительно липким. Освещение в операционной скверное и непостоянное, из-за жалюзи какие-то оранжевые всполохи пробиваются, они то становятся сильнее, то почти затухают. В данный момент толку от них почти нет, поэтому Читер не смог разглядеть, во что именно вляпался ступнями. Но не такой уж богатый выбор для фантазии, если вспомнить, как выглядит обстановка.

Аппетит на шаг отступил, сдавая позиции тошноте.

Надо срочно отсюда сваливать, достаточно уже с него этой пещеры маньяков.

Срочно!

Скривившись и сжав зубы, начал отдирать от себя полоски пластыря, удерживающие катетеры и какие-то непонятные датчики, от которых змеились провода к давно обесточенному медицинскому оборудованию. Спасибо, что нос и рот остались свободны от трубок, без полноценного наблюдения персонала за такими штуковинами он мог задохнуться.

Непонятный оранжевый свет вновь набрал силу. Пользуясь благоприятным моментом, Читер склонился над столиком, пытаясь обзавестись хоть каким-нибудь оружием. В глаза бросилась раскрытая тетрадь, исписанная неровным почерком. Момент не слишком подходящий для чтения, но взгляд случайно выхватил несколько фраз: «...с такими ранами не довозят до больницы, а Великий продолжает жить. Он велик! Велик! Велик! Его Величие затмевает блеск луны и сияние солнца!»

Странную тетрадь пришлось прихватить вместе с еще одним скальпелем. Но перед этим из простынки соорудил пародийное подобие туники, ведь ходить голым неприлично, да и прохладно в операционной.

На нетвердых ногах просеменил до окна, сквозь жалюзи сумел разглядеть источник переменного освещения. Он оказался необычным: напротив горел четырехэтажный дом. Полыхал он знатно, из доброй половины окон пламя вырывалось, а из прочих многие конкретно дымились. Перед пожа-

ром, заменяя нормальных зевак, стояла парочка мертвяков невеликого уровня. Один в замызганном медицинском халате, второй полностью голый. Вытаращились на огонь и традиционно покачивались, перенося вес с пяток на носки и обратно.

Проанализировав обстановку, Читер прислонился спиной к жалюзи и начал листать тетрадь.

Казалось бы, разве он не дебил одноклеточный? В столь непростой момент чтением заниматься – это чистое самоубийство.

Но так может подумать лишь тот, кто не способен за деревьями увидеть лес. Картина за окном четко дала понять, что город все, город уже совсем спекся, здесь правят бал зараженные. Но при этом он еще свежий, вымер недавно, следовательно, здесь повышенная плотность крутых тварей, традиционно набегающих на загрузившиеся кластеры. В такие моменты опытные иммунные избегают появляться поблизости. Даже сильным отрядом, при бронетехнике, соваться смертельно опасно, а уж одиночке – без шансов.

Больницы при этом – объекты повышенной опасности. От этих учреждений изначально заманчиво попахивает кровью, в них много беспомощных людей, все это привлекает самых первых, почти безобидных зараженных. Отожравшись на пациентах и персонале, они могут отправиться дальше, а могут продолжать крутиться поблизости от понравившегося места.

В общем, спешка сейчас не лучший вариант. Читер нахо-

дится в опаснейшем месте, но это не означает, что, опрометью отсюда выскочив, тут же окажешься в раю. А вот в зловонной пасти высокоуровневого чудовища – запросто.

Записи в тетради – это информация. А информация – это один из самых ценных товаров. Правда, они могут оказаться полностью бесполезными, но это никак не узнаешь, пока не проверишь.

И Читер углубился в чтение. Местами оно продвигалось без проблем, местами почерк становился до такой степени «врачебным», что о смысле отдельных слов приходилось строить предположения.

Спустя несколько минут он присел на пол, отложил тетрадь в сторону и занялся изучением шкал в интерфейсе. Не заметил в них ничего критически заниженного, зато в меню дебаффов нашел примечательную пометку: «Вы восстанавливаетесь после тяжелого ранения. В текущем состоянии все ваши основные и дополнительные характеристики получают штраф от 10 % до 45 %. Ваши органы чувств работают некорректно, вы не можете полноценно двигаться и принимать тяжелую пищу. Ориентировочное время восстановления до минимального порога нормы: 19–42 часа».

А еще он заметил активное окошко чата, бросилось в глаза своим назойливым миганием.

Март наконец-то соизволил объявиться. Не пропал со связи с концами, как Няша. Впрочем, он пропадать и не собирался. Непонятно, что за планы на Читера у этого знатного

темнили, но исчезать навсегда из его жизни явно не намеревается.

Загадочный товарищ оставил далеко не одно сообщение. Читая их по порядку, можно легко догадаться, что молчание собеседника бесило его все больше и больше:

«Чит, утро доброе. Ты там как, дружище? Не подход еще?»

«Читер, день уже на дворе, а от тебя ни ответа ни привета.

По черноте гуляешь, что ли?»

«Чит, за такое время или сдыхаешь на черноте, или из нее выбираешься».

«Да сколько тебе звонить можно? Ты там что, буквы забыл?»

«Нет, я не верю, что ты игнорирование качаешь. Тут явно что-то другое...»

«Даун ты пупырчатый, ты что, и правда забыл, как чатом пользоваться?»

«Читер, даю тебе 15 минут. Если не ответишь, надену лучше туфли, пойду к твоей ненаглядной Няше и сделаю ее счастливой».

«Чит, успокойся, хватит лить слезы. Не ревнуй, я передумал идти к твоей бабе. Для меня это слишком мелко. В общем, у тебя и правда 15 минут. А потом пойду делать счастливым тебя. Я вообще-то не такой, это против моих правил, но ты, черт тебя побери, достал уже отмалчиваться».

«Молчим дальше? А я ведь реально приду, тут уже вопрос принципа. К тебе с цветами подкатывать нужно или без

них сойдет? И ты не против, если я пару товарищей прихвачу? Они симпатичные и спортивные ребята, долго японской борьбой занимались. Это которая сумо называется».

«Судя по молчанию, ты только рад этой перспективе. Эх, а я думал, что ты не такой...»

«Не, ну ты реально решил меня достать... И знаешь, у тебя неплохо получается».

Читер вздохнул. Время позднее, Март давно уже храпит, залившись пивом выше макушки. Без толку пытаться вызвать.

Но все же попробовал, начал набирать сообщение:

«Привет. Если насчет борцов сумо все в силе, пусть по пулемету прихватят и несколько гранатометов. Без них ко мне не пробиться. Да и с ними – вряд ли. Ну хоть с достойным салютом на респ улетят. В общем, извини за молчание. Я не виноват, обстоятельства такие».

Поразительно, но ответ выскочил почти мгновенно:

«Это какие такие обстоятельства? Неужели нашел-таки бабенку и зажигал с ней, позабыв о чести и долге? Тогда ладно, тогда пусть с тяжестью на сердце, но я готов это принять».

«Спасибо за понимание, но ситуация несколько сложнее. Меня подстрелили».

«И куда попали? Чат отстрелили, что ли?»

«Почти. Рана нехорошая. Сумел добраться до свежего кластера, только-только загруженного. Рассчитывал, что врачи смогут успеть чуток подлатать брюхо, ну а дальше са-

мо долечится».

«А тебе никто не говорил, что ты глуп и наивен?»

«Март, выбора не было. Совсем не было. Я на лайт-спеке уходил, а выбор там такой: или спек отпускает и падаю посреди леса, а потом меня муравьи грызут, или в городе мне перельют кровь и сошьют порванные сосуды. По шансам выходило – город лучше».

«У меня подозрение, что сейчас ты в этом не вполне уверен».

«Я провалялся в коме несколько дней».

«Иммунные столько в коме не валяются. Или валяются редко».

«А я провалялся. Город вымер, сам понимаешь. Я пришел в себя в операционной. Живот зашит кое-как, чуть ли не проводом телеграфным, выгляжу плохо. Но, судя по тому, что вижу, мне до последнего ставили капельницы».

«Да ну? Капельницы медсестры ставят. Посмотри вокруг, может, они где-то спрятались. Там обычно сплошь одни шалавы, зато, бывает, симпатичные попадаются».

«Вряд ли».

«Да я тебе точно говорю. Не сомневайся – попадают».

«Я не о том. Понимаешь, тут по всей операционной валяются обглоданные кости и недоеденные куски тел. Человеческих тел».

«И ты посреди всего этого праздника провалялся несколько дней и теперь что-то мне пишешь? Приятель, да тут что-

то не сходится. Я в том смысле, что ты мне врешь».

«Да я и сам себе не верю, но так оно и есть. И еще я тут нашел тетрадь. Это что-то вроде дневника. Короткого. Вначале почти нормально описывается мой случай. Что я сложный пациент, что меня пытались срочно прооперировать. Но потом сам не пойму, что случилось. Написано невнятно, но, похоже, бригада врачей операцию забросила, не закончив. Меня зашил непонятный человек, который оставил записи. В смысле – цифра. Похоже, у него уже прилично потекла крыша, поэтому меня он принял за раненого бога. Дескать, по всем канонам медицины я должен давно лапты склеить, но этого не случилось. Следовательно – бог. Ты прикинь, этот псих превратил кушетку в алтарь. Примотал меня к ней скотчем, нарисовал повсюду какие-то руны своей кровью. Потом и чужая кровь в дело пошла. А дальше начались конкретные жертвоприношения. Стаскивал сюда всяких калек и валил во славу меня. В конце идут каракули. Много каракулей. И чем дальше, тем хреновее они выглядят. Будто кто-то начал забывать, как писать. И забывал все больше и больше. В операционной много кусков тел. По некоторым заметно, что их жрали. Конкретно жрали. Воняет так, что глаза выедает. Короче, я тут в полных непонятках. Хотел сразу свалить, но не представляю, что за дверью ждет. Мне реально страшно выглядывать. Здесь, по крайней мере, от меня пока что ни куска не отхватили».

«О! Да ты умнеешь на глазах. Правильно мыслишь,

нешаблонно. Да, Чит, все больницы – плохие места».

«Я в курсе».

«Процесс заражения по-своему у разных цифр протекает. Похоже, тот псих превращался в тварь очень постепенно. Возможно, в его башке до сих пор осталась человеческая мысль. Мысль эта всего лишь одна: он продолжает думать, что ты божественное создание. Но ты... это... про манию величия забудь. Рано или поздно зараженный забывает все, что мешает ему поглощать биомассу. И тебя он тоже забудет. Когда ты попал в больницу?»

«Не знаю. А когда мы с тобой расстались?»

«Я догнал тебя семь с лишним суток назад, под вечер. Сейчас полночь».

«Я после этого прошел часть ночи. Потом шел весь день, заночевал в мотеле. А утром меня подстрелили, сразу после рассвета. Думаю, в больницу привезли через час после этого. Если и позже, ненамного, я тогда был в таком состоянии, что без врачей долго протянуть не мог».

«В общем, этот твой благодетель, возможно, уже дней пять как урчать научился. Я ведь правильно сосчитал? По срокам так получается?»

«А с какой скоростью они перерождаются?»

«По-разному. Обычно это от двенадцати до тридцати часов. Бывает, пораньше, бывает, процесс до трех суток растягивается. Говорят, случается и дольше. Но даже если этот сразу заурчал, он за предполагаемое время не мог успеть

сильно вымахать. Уровнем точно не выше твоего или чуть выше. Это в самом худшем случае, сомнительный вариант. В общем, ты его спокойно завалишь».

«И чем я его валить буду? Голой задницей? Да у меня даже одежды нет».

«Чит, хватит уже тупить. Ты же в операционной, хотя бы скальпель поищи».

«Уже».

«Вот и молодец. А теперь поищи еще. Возле входа глянь, вдруг там вешалка с халатами старыми».

«Дверь прикрыта. Вешалку не вижу».

«Может, за ней».

«Там завалы вонючего мяса по колено. И вообще, о чем мы? Без одежды я как-нибудь перебыюсь. Мне надо понять, где я оказался и в какую сторону отсюда сваливать. С этим поможешь?»

«Кто у тебя пати-лидер сейчас: ты или та небесной красоты девка, которая в данный момент кому-то подмахивает?»

«Забудь она меня, я бы не торчал в ее группе мертвым грузом. Лидерство на мне».

«А что ей мешает подмахивать, вспоминая о тебе? Бабы, они такие».

«Ты уверен, что нам прямо сейчас надо обсуждать женские недостатки?»

«Ладно, успокойся, я просто пару слов ввернул. Приглашай меня. Прикину, куда тебя занесло».

Читер отправил Марту приглашение в отряд и, чтобы не терять время попусту, прошелся по операционной, выискивая полезные предметы. Выпил глюкозу из обнаруженных ампул, обмотал кулаки эластичным бинтом на случай мордобоя.

Товарищ отозвался через несколько минут:

«Кластер 364-59-147».

«Да неужели? Ты не поверишь, но я это и без тебя знал».

«И откуда взялись такие глубокие познания?»

«В логе написали, перед тем как очухался».

«Черт. Похоже, здесь в пиво спирт подливают. Технический. Совсем голова не думает».

«Но больше я ничего не знаю. Меня привезли сюда невменяемого».

«Что тебе сказать? Обычный городской кластер. Посредине город, потом пригороды местами по краям маленько диковатой территории. Ты чуток уклонился на юг от маршрута. Тебе сейчас надо идти строго на восток. Грубо говоря, через восемь крупных кластеров окажешься на нужном стабе».

«Что еще мне нужно знать?»

«Да я мало что могу сказать по этим местам. Карта есть, но слабенькая, почти забесплатно взял, под руку подвернулась. Ты, кстати, тоже начинай в карты деньги вкладывать. Даже если получится свалить из региона, это когда еще случится, а карты, как видишь, полезны бывают».

«Понял. Значит, выбираюсь из города и двигаюсь точно

на восток».

«Никуда ты не выберешься...»

«В смысле?»

«Завалят тебя с особой жестокостью».

«Почему? Ты что-то еще об этом месте знаешь?»

«Дружище, а что тут еще знать надо? Ты торчишь в месте, которое какой-то явно ненормальный и не последний мертвяк считает своим логовом и храмом великого бога читерства. Он зачем-то устроил там склад еды, а за едой такой товарищ обязательно вернется. Или не он, а другие заявятся, ведь такое дело пахнет хорошо и далеко. Даже если выберешься из больницы, что само по себе непросто, дальше тебе придется пробираться через город, в котором самые веселые времена настали. И все это без оружия и нормального снаряжения, да еще и залечиться вряд ли успел. Как там твое самочувствие?»

«Хреновое у меня самочувствие. Я согнуться нормально не могу. Похоже, у меня пару ребер удалили и кишки покромсали. Но аппетит даже в этом вонючем месте есть, это вроде как хороший признак».

«Ты же иммунный, тебя непросто уморить. Тебе надо хорошо питаться, через несколько дней есть шанс в норму прийти. Внутренности у нас быстрее всего восстанавливают, хотя насчет вырезанных ребер – не уверен».

«А вернуть свое добро как-нибудь можно? Хотя бы лук?»

«Лук привязан?»

«Нет. У меня на это денег не хватало, да и слабоват уровень силы, не потяну такое добро на респ тягать».

«При чем тут респ? Ты же, получается, не помер. Привязанное потерять трудно, а ты, выходит, свой лук не привязал и потерял. Или нет?.. Да они реально спиртыгу в пиво подливают, мозги как не мои, не думают совершенно. Лук могла забрать полиция и увезти. С огнестрельными ранами ее, по правилам, должны вызывать. Если не забрала, он где-то в больнице может валяться».

«Где?»

«Да я-то откуда такое знать могу? Я ведь в такие чудные истории никогда не попадал. Это ты у нас великий мастер находить смешные приключения».

«Вспоминая момент нашего знакомства, скажу, что и ты в этом деле не последний».

«До тебя мне, как до Пекина на карачках».

«А по карте что-то можно сказать?»

«Что я тебе могу сказать по карте. Ну... она большая и разноцветная: реки на ней синие, а леса зеленые».

«Очень смешно. Ты скажи, где именно в городе я оказался? В какую сторону ближе всего к окраине?»

«Да в любую, Чит. Ты сейчас приблизительно в центре».

«Хреново...»

«Радуйся».

«Чему мне радоваться?»

«Как это чему? Ты ведь можешь идти куда угодно. Со

всех сторон свободный парень, не привязанный к направлениям».

Читер хотел было написать, что его такие известия ничуть не радуют, как вдруг замер, расслышав в высшей степени зловещий звук.

За дверью операционной кто-то с урчанием и омерзительно чавкающими звуками тащил что-то тяжелое.

И этот кто-то приближался.

Глава 3

Жизнь шестая.

Самовольная выписка

Припав спиной к стене, Читер замер изваянием. Лишь пальцы то сжимались, то расслаблялись на тонкой рукояти скальпеля. Продолжавшее оставаться неизвестным зло продолжало непонятную возню за дверью вот уже не меньше пяти минут. То урчало, то чавкало, то чем-то тяжелым грохотало. Заходить оно явно не торопилось или банально позабыло, что нужно опускать ручку замка.

Может, пронесет? Вдруг это просто мимо проходящий мертвяк? Нашел что-то вкусное и уплетает радостно, даже не думая поинтересоваться дверью и тем, что за ней скрывается.

Внезапно чертовски засвербело в носу. До того стремительно накатило, что едва успел удержаться, чтобы не чихнуть. Чуть скальпель не выронил, с такой силой прижал ладони к лицу, выпучивая глаза.

Отпустило, но сложилось впечатление, будто мертвяк что-то почуял. Звуки за дверью стихли в один миг, воцарилась гробовая тишина. А затем отчетливо, с легким зловещим скрипом, дверная створка начала двигаться.

Даже не пришлось ручку опускать.

Ну вот и все. Теперь не может быть и речи о том, что зараженный пройдет мимо. Он заинтересовался, теперь он точно зайдет в операционную и уж Читера ни за что не пропустит. Остается лишь молиться Системе, чтобы она подослала слабака из свежих. Таких на недавно загружившемся кластере большинство. Пусть даже отожрался до приличного бегуна – не страшно.

Страшно, если сюда наведется один из неместных мертвяков. Из тех продуманных хищников, которые со всех сторон устраивают нашествие на свежий кластер, чтобы, пользуясь силой развитого зараженного, ухватить себе самые лакомые куски. Против таких искалеченный человек со скальпелем выглядит нелепо.

Створка перестала скрипеть, дверь распахнулась полностью. По затхло-зловонному помещению операционной повеяло свежим воздухом, а затем внутрь шагнула темная, позвериному сгорбленная фигура. Даже не покосившись в сторону прижавшегося к стене человека, она бодро просеменила к центру, резко замерла перед осиротевшей кушеткой и недоуменно проурчала.

В этот миг Читер метнул скальпель. Пожар в очередной раз пошел на спад, видимость никакая, цель больше угадывается, чем зрением улавливается, но на фоне не полностью прикрытого окна силуэт головы просматривается четко.

Как и затылка.

Безотказную меткость он давно воспринимал как долж-

ное, потому ничуть не удивился попаданию точно в цель.

А вот то, что последовало дальше, заставило удивиться.

Неприятно удивиться.

Зараженный, вместо того чтобы молча завалиться на залитый кровью пол, пошатнулся, уперся обеими руками о кушетку, заурчал переменно, на разные лады. А затем неуклюже, с трудом себя контролируя, начал разворачиваться.

Проклятье! До сих пор поражение спорового мешка приводило к мгновенному победному результату. Читеру даже элиту доводилось так упокаивать. Но сейчас какой-то явно не слишком высокоуровневый зараженный сумел устоять на ногах после ранения в их главнейшую ахиллесову пяту.

Это скальпель виноват. Слишком тонкое лезвие, вошел идеально прямо, возможно, повредил не самые важные участки паутины. Предполагалось, что мертвяк завалится без звука, а он вон концерт начинает. Урчание у них хитрое, сородичи способны его почуять за сотни метров, если не повезет.

Читер отлип наконец от стены, ринувшись в атаку. Уклонился от неуверенно протягивающейся в его сторону руки, врезал с левой по затылку с такой силой, что под ребрами вспыхнула режущая боль, заставив непроизвольно охнуть.

Да уж, физические нагрузки ему строго противопоказаны.

Мертвяк наконец замолчал и завалился, задев по пути столик, откуда со звоном посыпалось хирургическое имущество. Будто в ответ на этот шум со стороны распахнутой две-

ри послышалось недалекое урчание, после чего там заскрежетало, застучало и заскрипело. Звук непонятный и неимоверно пугающий, ведь ничего подобного Читер до сих пор от мертвяков не слышал.

В панике заметавшись, не нашел ничего более подходящего для замены скальпеля. Даже если в операционной по углам склад пулеметов устроен, в такой темноте ничего не найдешь. Кто бы ни приближался, встречать его придется именно этим оружием. А ведь оно успело себя нехорошо зарекомендовать.

Но кто же там? Складывается впечатление, что элитника заковали в танковую броню и он с трудом волочет эту тяжесть. Никакие другие ассоциации в голову не приходили, грохот просто неопиcуемый.

Пугающие непонятные звуки приближались, то и дело сопровождаемые заунывным урчанием. Мертвяк, который надрывает глотку, похоже, чем-то глубоко опечален, но это не утешает, а напрягает еще больше.

Глядишь, обрадуется, до Читера добравшись.

На пороге выросла темная масса немислимо угловатых очертаний. Подумалось было, что да, так и есть, элита в рыцарских латах пожаловала, но тут за окном зашелестела листва под порывами ветра и резко усилился пожар, дав чуть больше света.

Читер, разглядев наконец источник страха, едва сдержался, чтобы не выругаться во всю мощь глотки. Какая, блин,

элита! Да это же обычный мертвяк невысокого уровня, с таким можно и голыми руками легко управиться, если здоровье не подпорчено. Странные очертания и грохот объяснялись тем, что зараженный тащил за собой медицинскую каталку. Возможно, его привезли в те часы, когда город еще не окончательно спятил, и первых зомби принимали за больных, пытаясь оказывать им помощь. Естественно, медицинские услуги им не нравились, вели себя неблагодарно-агрессивно. Неудивительно, что такого пациента крепко прихватили ремнями к передвижной койке.

Ну а дальше все просто: персонал дружно спятил или разбежался, мертвяк сам освободиться не сумел, но кое-как завалил каталку и теперь передвигался с ней на спине, грохоча краями по полу и стенам, что и вызывало те самые звуки, едва до разрыва сердца не запугавшие.

– Ах ты, ниндзя-черепашка! – выдал наконец Читер и, подхватив какой-то увесистый прибор, парой ударов разбил голову виновнику переполоха.

Уничтожен зараженный. Уровень – 8. Вероятность получения ценных трофеев – 88 %. Получено 1 очко к прогрессу физической силы. Получено 1 очко к прогрессу меткости. Получено 2 единицы гуманности. Уничтожен зараженный. Уровень – 3. Вероятность получения ценных трофеев – 28 %. Получено 1 очко к прогрессу физической силы. Получено 1 единица гуманности.

Отлично! Система сочла бой завершенным, а это означает, что поблизости не осталось противников, нацеленных на Читера. Возможно, есть зараженные, которые расслышали привлекательные звуки, но у них нет или почти нет шансов выйти на источник шума. Здание может оказаться большим и сложно устроенным, в помещениях мертвяки часто теряются, путают направления, принимают неверные решения.

Первый зараженный достиг восьмого уровня. Должно быть, тот самый, молившийся на тушку Читера. Вон как его взволновала опустевшая кушетка, бросился к ней, позабыв обо всем, не оглядываясь по сторонам, за что и поплатился.

Со вторым тоже все ясно. Разве что не понять, как он с таким неудобным «подарочком» на спине ухитрился до третьего прокачаться.

Кстати, Читер получил с этой шантрапы пару единиц к силе. Система даже за самых слабых тварей обязана чем-то вознаграждать, вот и выделяет символическую единичку. Но, как известно, пять старушек – рубль, так почему бы не качать основные характеристики на мелюзге?

Мечты наивного глупца. Вот где взять мелюзгу в таких количествах? Для эффективной прокачки потребуются сотни и тысячи низкоуровневых мертвяков. Если где-то и возникнет настолько бодрое движение, там, естественно, и приличные зараженные начнут отираться, а они ни за что не позволят иммунному резвиться безнаказанно.

Выпотрошив обоих, Читер обзавелся спораном. Прекрас-

но: скрипя зубами от боли, он сумел разделаться с парочкой не самых никчемных противников и даже заполучить первый трофей. Прекрасное начало. Теперь надо осторожно обыскать больницу, вдруг удача и дальше согласится работать на его стороне.

Очень не хотелось остаться без лука, ведь не так давно Читеру пришлось отвалить за него целое состояние. Он сейчас нищ и гол, даже если доберется до нормального стаба, приобрести другое оружие не на что.

Выдавать кредиты в мире Континента не принято. Особенно никому не известным новичкам. Так что ищи, Читер, ищи...

Возможно, Март прав и все имущество Читера отправилось в полицейский участок. Точнее, не все, ведь кое-что нашлось в «предбаннике» операционной. Окровавленное тряпье – его прежняя одежда. Не хватало разгрузочного жилета, рюкзака и всего прочего, включая оружие и боеприпасы. Даже ни единой стрелы не осталось.

Крохоборы!

Похоже на почерк служителей закона, именно у них дурная привычка прибирать к рукам все, что можно отнести к смертоубийственным предметам.

И что дальше? Где прикажете искать волшебный лук? В полицейском участке? Но город, судя по обмолвкам Марта и тому, что просматривается из окна, не из маленьких.

Сколько в нем полицейских участков? В какой из них попало конфискованное барахло?

Ответы на эти вопросы получить не от кого. Обыскивать один участок за другим – затея безумца. Читер банально не знает, сколько их и где они располагаются. Вести продолжительные поиски в городе, пребывающем на активной фазе зачистки от биомассы, – это кратчайший путь к отправке на очередное воскрешение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.